

ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЬМОЙ

203/1412 К. е.

Основной фонд С-34

СИБИРСКИЕ ОГНИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

На дом не выдается

КНИГА ПЕРВАЯ
ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

НОВОСИБИРСК
1929

напечатано в «Современнике» в 1855 г., а окончание (недописанное, впрочем, автором) увидело свет лишь в наши дни.

Повесть эта чрезвычайно любопытна, как показатель общественно-политического настроения Некрасова до перехода его на сторону «разночинцев», и для изучения эволюции художественного стиля Некрасова. К. И. Чуковский во вступительном очерке устанавливает несомненную связь этой повести с «гуманной» тенденцией Тургеневских «Записок охотника» и зависимость ее художественного оформления от стиля английских юмористов—Диккенса и Теккерея. В повести зло и остроумно высмеян «тонкий человек», который полон самых тонких чувств, но в то же время ведет себя по отношению к своим крепостным, как обыкновеннейший рабовладелец. Прекраснодушный либерал 40-х годов встает здесь перед нами в неприкрашенном виде.

Незаконченность повести Чуковский объясняет тем, что Некрасов, как чуткий общественный деятель и журналист, понял непригодность после севастопольской катастрофы старой чувствительно-гуманной манеры изображения крепостного крестьянства. Но вряд ли дело заключалось только в изменении общественных взглядов Некрасова. Здесь, вероятно, сказалась и потребность в изменении художественного стиля. Новое содержание русской литературы открывало неограниченные возможности выработки новых художественных форм, и Некрасов бросил прозу, чтобы перейти всецело к стихам.

Для широкого читателя, незнакомого с книгой Чуковского, интересна, впрочем, не столько эта повесть, сколько отрывочные «Записки о декабристах» и незаконченная повесть «Каменное сердце», в которой Некрасов вывел, под именем Глазиевского—молодого Достоевского, под именем Мерцалова—Белинского, под именем Решетилова—Тургенева, под именем Тросникова—себя. В этой повести чрезвычайно резко и живо изображены литературные нравы 40-х годов и отношение кружка Белинского к начинающему Достоевскому. По «Запискам о декабристах» Чуковский реконструирует первоначальный замысел поэмы «Русские женщины», в центре которой должна была стоять жена декабриста А. Г. Муравьева, и содержанием которой «должна была служить не поездка русских женщин в Сибирь, а их многолетняя, многострадальная жизнь в Сибири».

Комментарии Чуковского много помогают разобраться в относящихся к произведениям Некрасова историко-литературных фактах, но анализ его местами не глубок. Так, он не объясняет, по-

чему же, наконец, Белинский и вся «плеяда Белинского» так невзлюбили вдруг Достоевского, с которым они сами же носились первое время. Дело здесь, конечно, не в том, что Тургенев и его подголоски «имели немало отрицательных черт» (как уверяет Чуковский), или в болезненной самолюбии Достоевского, а в глубочайшей классовой розни этих писателей. Достоевский был разночинец, Тургенев—барин, а голос истерического разночинца зазвучал у Достоевского задолго до того, как разразился грандиозный конфликт «отцов» и «детей», и всем стало ясно, в чем корень расхождения.

Белинский, тесно связанный личною дружбой с представителями старого литературного барства, поддался их влиянию в оценке начинающего Достоевского. В таком же положении оказался и Некрасов, бывший в 40-х годах еще только обыкновенным либералом.

Б. Жеребцов.

Марксистский метод в литературе

Литературоведение. Сборник статей. Под редакцией В. Ф. Переверзева. Труды социологического разряда Госуд. Академии Художеств. Наук. Москва. 1933 г. 50 к. Стр. 347.

Настоящий сборник является попыткой, с одной стороны, дать точную формулировку марксистского метода в литературоведении и, с другой, приложить этот метод к познанию конкретных явлений литературы. Общая же цель сборника—«выработать научно-плодотворные пути применения марксистского метода к конкретному материалу».

Основной теоретической статьей сборника является статья его редактора, В. Ф. Переверзева: «Необходимые предпосылки марксистского литературоведения». «Марксизм видит в литературе,—говорит Переверзев,—функцию социальной жизни, подчиненную в своем бытии и в своем развитии социальной необходимости. Это обстоятельство давало и дает основание называть марксистский метод в литературоведении социологическим методом». Однако, это название не точно, ибо возможно существование и идеалистических социологий. «Марксистский метод есть метод исторического материализма, а не метод социологизма вообще». «В основании художественного произведения лежит не идея, а бытие, стало-быть, литературоведческое исследование (а также нужно, конечно, добавить— и критика современной литературы. С. Д.) и должно обнаружить не идею, а бытие,

лежащее в основании поэтического явления». Сделать это не так легко. Это бытие не нужно путать с «жизнью», т.-е. с биографией писателя: так, ответ на вопрос, какое бытие обусловило создание «Войны и мира» и в каком бытии лежит причина ее рождения, не может быть отыскан в биографии графа Льва Толстого, так как сама эта биография предопределена бытием в истинном смысле слова, т.-е. «тем социально-экономическим процессом, который детерминирует и жизнь людей, и их сознание, и поэтическое творчество».

В построении понятия «бытия», как предмета для литературоведческого исследования, Переверзев исходит из мысли Маркса: «Главный недостаток материализма до Фейербаховского включительно состоял в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир, лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно». Ошибку этого домарксовского материализма повторяют и многие литературоведы и критики, рассуждающие приблизительно так: «Литература есть изображение жизни; читая произведение, вы видите, что в нем изображено, о чем в нем говорится, это и есть искомое бытие. Изучить его, и цель достигнута—марксистский анализ закончен». Так, чтобы изучить «Евгения Онегина», достаточно изучить светское общество той поры... Однако, уже на примере «Капитанской дочери» основательность этого положения поколеблется.

Что здесь изучать, чтобы доискаться «бытия»? Пугачевщину? Но, очевидно, что ключ к пониманию и происхождению этой повести лежит не в самом пугачовском движении, а в пушкинском отношении к нему, которое, в свою очередь, обусловлено отношением пушкинского «бытия» (биографии) к бытию—«социально-экономическому процессу», детерминирующему и жизнь людей, и их сознание, и творчество». Какое бытие следует искать и изучать марксисту-исследователю в «Бахчисарайском фонтане»? Ясно, что не татарскую действительность эпохи Гиреев. Если бы, наконец, изучению подвергнута была поэма «Руслан и Людмила» с ее сказочностью, то попытка наивно-реалистически найти бытие в самом сюжете поэмы потерпела бы полное крушение. Не помогла бы тут и попытка опереться на биографию автора. Все эти ошибки в поиске «бытия», как основы, на которой создано произведение, происходят только оттого, что забывают ту Марксову мысль, которая выше приведена и которую, в применении к литературоведческому марксистскому

методу, Переверзев формулирует так: «Бытие, организующее художественное произведение,—это активное бытие, являющееся в отношении поэтического создания и объектом и субъектом. Бытие потому и организует художественное произведение, что является не только изображаемым объектом, но и изображающим субъектом. Только рассматривая бытие, как диалектическое единство объекта и субъекта, можно говорить, что оно определяет художественное творчество».

С этой основной, строго-марксистской точки зрения и написаны как другие теоретические статьи сборника («Проблема литературной науки» И. Беспалова и «К методике историко-литературного исследования» Г. Поспелова), так и статьи, рассматривающие конкретный художественный материал. Для конкретного приложения исследовательского метода, сформулированного В. Ф. Переверзевым, выбраны, различные по стилю и эпохе, произведения русской литературы. Взяты: романтическая поэма («Демон» Лермонтова—статья У. Фохта), роман 40-50 г. г. («Дворянское гнездо» Тургенева—работа Г. Поспелова, «Обыкновенная история» Гончарова—работа В. Ф. Переверзева), произведения разночинской литературы 60-х г. г. (статья В. Савсуна о Помяловском) и, наконец, ранние рассказы Горького (статья И. Беспалова). На этом богатом материале было удобнее приложить те методические приемы, которые марксистски обоснованы в теоретических статьях. Результаты пересмотра обычных оценок указанных произведений, явившиеся следствием приложения точно сформулированного марксистско-литературоведческого метода, очень яркие. Ограничусь примером «Демона». «Протестующий характер этой поэмы принимался всеми критиками и исследователями. «Я—враг небес», «Я—царь познания и свободы»—этим заявлениям Демона верили все, кто о нем писал, и видели как в этих заявлениях, так и в самом образе «изгнанника» Демона выражение протестующего настроения и личности самого Лермонтова.

Еще недавно критик-марксист Г. Лелевич писал: «Лермонтов особенно близок передовому классу нашей эпохи своим настойчивым стремлением сделать свои произведения могучим орудием переустройства общества». «Протест» в творчестве и личности Лермонтова несомненен. Но вопрос о бытии, т.-е. основе и источнике этого протеста,—критиками обходился молчанием. «А в этом-то все дело,—говорит автор нового исследования о «Демоне», написанного с широким применением выше охарактеризованного метода,—этот протест был чисто реак-

ционный, во имя восстановления прошлого, а не творчества будущего, протест мелочный и бессильный. Это было одно из проявлений помещичьей реакции, а не буржуазной революции. Лермонтов, в частности в образе Демона, дал гениальное литературное воплощение социального характера аристократа-реакционера 30-х г. г.

Очень интересен и вывод исследователя раннего творчества Горького: «Художественный метод раннего Горького был направлен по всему своему существу в сторону протеста, отталкивания и противопоставления гнетущей жизни и ее рамкам, но противопоставления по самой природе своей не действительного, ибо ни путь легендарных образов, ни путь своеобразного пентеизма, ни дно—не могут дать освобождающего образа». Этот «освобождающий образ» появился в творчестве Горького тогда, когда оно сблизилось бытием своим с освобождающим классом—с пролетариатом: это сближение привело Горького от «бывших людей»—к людям будущего, от «На дне»—к «Матери».

И марксистская последовательность теоретической части сборника, и яркость приложения ее выводов к произведениям русской литературы, обнаруженная во 2-й части,—делают сборник важным явлением в марксистском литературоведении. Таких ярких внутренне-цельных и последовательно-продуманных книг немного в библиотеке русского литературоведения. Законченность и цельность сборника кроется не только в единстве метода, разделяемого всеми участниками, но и в том, что весь сборник—плод коллективной работы: все статьи, его составляющие, были читаны и обсужданы в литературной комиссии при социологическом отделе Госуд. Академии Худож. Наук.

А. С. Дурылин.

Путь поэтов

Иван Розанов.—Литературные репутации. Кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники». Москва. 1929 г. Стр. 146. Ц. 1 р. 40 коп.

Эта небольшая книга имеет большое достоинство, и прежде всего—достоинство своевременности. «Относительность эстетических оценок,—говорит ее автор,—непрочность всякого догматизма в этом отношении все более и более проникает во всеобщее сознание... Особое внимание привлекает вопрос о взаимоотношениях писателей и читателей, проблема критики, как посредницы между ними. И вот, рядом с историей и теорией художе-

ственной литературы намечаются новые области для изучения: **теория и история литературных репутаций.** Первая займется исследованием факторов литературного успеха, вторая—изучением фактов в исторической последовательности, выяснением их социологических причин. Возведение этих новых зданий стоит на очереди, а пока мы находимся в периоде накопления и описания материала».

Такой материал и предлагает автор в своей книге,—материал очень свежий и показательный.

Что такое литературная репутация—будет ли это репутация с плюсом: «классик» или с минусом—«безвестное ничтожество»? Как она возникает? Что ее создает? Как долго она живет? Ряд поучительных ответов на эти вопросы, имеющие очень большой социологический интерес, находим у Розанова. Примером репутации «классика» служит «слава» Пушкина и ее история. История эта очень терниста, а колебания в объемах и величине «славы» этого классика из классиков были очень велики: в «классики» он попал еще с «Руслана и Людмилы», но смена эпох, переход культурного господства от класса к классу, перемена критических оценок, появление новых кадров читателя,—все это и множество других социальных влияний отражалось на размерах и прочности этой «славы». «Слава» эта выдержала испытание временем, десятилетиями: вывод автора—что в наши дни «народная тропа» к Пушкину не только не заросла, но, с появлением нового читателя, созданного революцией, тропа эта сделалась особенно торной.

Но вот противоположная «репутация»—репутация «ничтожества и безвестности». Ей Розанов посвятил очень любопытную статью «Литературная судьба первого поэта из рабочих». В немецкой «Истории всемирной литературы» Шерра давным-давно читали: «Алексей Кольцов, а после него Аликанов и Ульянов пропели песни, во всей своей свежести и самобытности вырвавшиеся из народной души и открывающие собою новую оригинальную полосу в русской литературе и лирике». Это свидетельство немца-историка ставило в тупик русских «историков русской литературы». Венгеров сначала сомневался в самом существовании никому неведомого Аликанова, а затем узнал об его существовании из рецензий Белинского, но и приговор знаменитого критика обрекал Аликанова на полное забвение: песни Аликанова, по словам Белинского, «попали в мешки букинистов, на ярмарку, в руки деревенских лакеев». Приговор Белинского Венгеров только усилил в своем «Словаре русских писателей»; «невозможный литературный

сор». Прошли десятилетия, пришла социальная революция и заставила пересмотреть эту репутацию «сора». Труды И. Н. Розанова и Л. П. Гроссмана Аликанов был извлечен из совершенного забвения. Оказалось, что ему по праву принадлежит титул **«первого русского поэта из рабочих»**. Сын мастерового Людвинского горного завода, он в 1830 г. выпустил книгу стихов, среди которых есть первые на русском языке опыты рабочей и производственной поэзии: «Труды заводских мастеров», «Заводские работы» и др.; в одном из стихотворений есть изображение стеклянного завода. Аликанов умел выразить и тоску рабочего по знанию.

Нет сомнения, что Аликанов войдет теперь в историю русской поэзии. Литературная репутация его пересмотрена. Пересмотреть ее заставило торжество того класса, к которому он принадлежал. Трудно указать лучший пример того, как репутация в литературе, слава или безвестность зависят от степени **социального** внимания к тому или другому писателю, а социальное внимание, в свою очередь, зависит от социальной окраски читателя: меняется эта окраска, меняется степень внимания—и в результате изменяется—иногда посмертно—литературная репутация.

Очень ценна и статья «Популярные песни и их авторы», говорящая о «славах» не «книжных» и «библиографических», а живых, но зато безыменных: о «славах» тех авторов песен, которые распевает народ, но не знает даже имени авторов этих песен.

Статья «Канонизация классиков» набрасывает краткую историю того, как за писателем создается репутация «классика» и какие факторы создают эту репутацию. Вывод автора: «каждая эпоха производит пересмотр прежних классиков и часть из них исключает из числа образцовых».

Книга И. Н. Розанова, хотя с рядом положений автора нельзя согласиться, жива и свежа по содержанию; написана хорошим языком.

С. Дурылин.

Великодержавная история

Проф. С. В. Бахрушин. **Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII в. в.** Москва, изд. М. и С. Сабашниковых. 1928. Стр. 198. Ц. 3 руб.

Странное впечатление остается после чтения книги проф. С. В. Бахрушина.

Начнем с предисловия:

«Сибирь, начиная с XVI века, привлекала **предприимчивость и энергию русского народа**».

«Начиная со второй половины прошлого столетия, экономический рост Сибири, вызванный общим капиталистическим подъемом России, создает здесь новые условия, способствующие развитию хозяйственной независимости и в связи с этим культурного процветания края.

Одновременно **отмечается стремление к созданию новых форм административного устройства, отвечающих происшедшим внутренним изменениям и успехам сибирского самосознания. После революции это стремление нашло себе осуществление** в реорганизации Сибири на областных началах, обеспечивающих ей экономическую и культурную самобытность».

Если бы так писал историк лет 20 тому назад, не было бы ничего удивительного в подчеркнутых нами местах. Но когда так пишут в 1928 г., мы в праве спросить: неужели автор, добросовестный исследователь сибирских летописей, всерьез отождествляет Строгановых, Ермаков, Киприянов и пр. с «русским народом» и жадность отдельных конквистадоров с «предприимчивостью и энергией русского народа»?

Неужели автор всерьез считает, что чаяния сибирской буржуазии и областников «нашли себе осуществление в реорганизации Сибири на областных началах», и неужели советская система управления ничем не отличается от той системы, которую с бесчисленными вариациями пропагандировали Потанины, Ядринцевы, Адриановы и пр.? Если это так, то мы в праве усомниться в целесообразности выпуска таких «исторических трудов» в настоящее время. Или это обмолвки историка, который дальше XVII века ничего не видит?

В рассматриваемой книге 4 статьи: «Сибирское летописание», «Главные течения в сибирской историографии с XVIII в.», «Пути за Урал в XVI-XVII в. в.» и «Пути в Восточную Сибирь».

Все эти статьи—сплошная апология победоносному движению русских на восток. Все события рассматриваются только с точки зрения «завоевателей», «победоносно» шествующих все дальше и дальше в глубь Сибири.

Только кое-где этот восторженный тон прерывается нотками сожаления о «грабежах», «насилиях» и прочих не совсем приятных вещах, и еще проскальзывают искусственно вкрапленные в текст слова «торговый капитал» (это уже дань времени!).

«С постройкой Бийского острога в 1709 году **русские стали твердой ногой на верховьях Оби** (стр. 159).

«Эти **головокружительные успехи** и слухи о богатствах

«великой реки Лены...» (163).